

Сюэ Диньюань уже не мог продолжать заниматься. Встав, он собрался уходить, и Сюй Янь, конечно же, пыталась его удержать. Однако он не хотел ставить её в неловкое положение, лишь поблагодарил и взял с собой конспекты, думая, что с ними его подготовка пойдёт гораздо быстрее и в будущем ему не придётся сюда возвращаться.

Только он вышел из кабинета, как открылась входная дверь. Это вернулся Цзян Чжисяо.

Увидев Сюэ Диньюаня, Цзян Чжисяо обрадовался:

— Сяо Сюэ, ты пришёл! Как занятия утром?

Не успел Сюэ Диньюань ответить, как из комнаты вышла Цзян Яоя. Она капризным тоном обратилась к Цзян Чжисяо:

— Папа, ты вернулся.

Цзян Чжисяо кивнул и, ничего не подозревая, произнёс:

— Яоя, Сяо Сюэ будет твоим одноклассником, так что присматривай за ним.

Цзян Яоя фыркнула:

— Не буду.

Цзян Чжисяо подумал, что она просто стесняется:

— Вот ребёнок!

Сюэ Диньюань, естественно, не стал искать повода и снова заговорил об уходе. Цзян Чжисяо, конечно же, пытался его удержать, но тут вмешалась Цзян Яоя:

— Папа, не удерживай его, а то он и не уйдёт. Ведь у бедных людей и амбиции короткие, они вечно прилипают, как пиявки.

Цзян Чжисяо наконец-то почувствовал, что что-то не так:

— Яоя, что ты говоришь?

Цзян Яоя сделала невинный вид:

— Я просто говорю правду.

— Извинись перед Сяо Сюэ! — приказал Цзян Чжисяо.

— Не буду! — капризно ответила Цзян Яоя. — Папа, как ты можешь заставлять меня извиняться? Не буду.

Цзян Чжисяо остался непреклонен:

— Быстро извинись!

Цзян Яоя почувствовала себя униженной. Её голос стал резким:

— Почему я должна извиняться?

— За то, что ты только что сказала!

— Что я такого сказала? — Слёзы Цзян Яояо потекли ручьём. — Всё так и есть... Папа, разве ты не знаешь, что происходит в нашем доме? Если ты будешь продолжать ничего не делать, наш дом скоро растащат.

Она плакала так невинно и жалко, но лицо Цзян Чжисяо стало ещё холоднее:

— Что ты имеешь в виду?

Цзян Яояо сжалась и не стала отвечать.

Сюй Янь холодно вмешалась:

— Она намекает на то, что я помогаю своей родне.

Цзян Чжисяо нахмурился:

— Яояо, извинись перед мамой и Сяо Сюэ.

Эти слова стали последней каплей для девушки. Её плач усилился:

— Я не буду извиняться! Разве я сказала что-то не так? Почему я должна извиняться? Я думаю только о тебе, и это теперь моя ошибка? Разве ты не знаешь? Эти бедные родственники чувствуют себя в нашем доме как дома, всё лучшее достаётся им, а что остаётся мне? А, я поняла, ты жалеешь, что меня усыновил, да?

— Что за чушь ты несёшь? Какое это имеет отношение к тому, что ты усыновлена? Ты не понимаешь, насколько ты неправа?

— Я не ошиблась... Даже если бы ошиблась, если бы я была твоей родной дочерью, ты бы заставил меня извиняться?

— Это не имеет значения. Если ты совершила ошибку — ты должна извиниться.

Сюэ Динъюань был ошеломлён этим поворотом событий. Он не хотел слушать чужие семейные разборки и снова собрался уходить, но Цзян Яояо, словно обезумев, бросилась к нему и схватила за руку:

— Стоять! Сегодня мы должны всё выяснить, иначе ты не уйдёшь.

Сюэ Динъюань вынужден был остановиться:

— Дядя Цзян, учитель Сюй, мне кажется, она слишком эмоциональна.

— Я не эмоциональна! — кричала Цзян Яояо. — Прекрати притворяться! Если бы не вы, они бы не стали меня презирать!

Сюй Янь больше не могла сдерживаться:

— Цзян Яояо, отпусти его.

— Ты не имеешь права мной командовать! Я знаю, что ты не хотела меня усыновлять, ты хотела сына, поэтому ты специально устроила всё это, да? И этот Чу Хуншэн, он ведь твой

родственник, да? Вы всё заранее спланировали, чтобы занять место в этом доме и выгнать меня?

— Цзян Яояо! — прикрикнул Цзян Чжисяо. — Что за слова? Быстро извинись!

Цзян Яояо плакала ещё громче:

— Почему я должна извиняться перед ним? Он пришёл в наш дом, чтобы пожить за наш счёт, и теперь это моя вина? Если вы считаете его таким хорошим, то пусть он будет вашим сыном, зачем вам я?

— Цзян Яояо! — Цзян Чжисяо больше не мог слушать её. — Как ты стала такой?

— Какая я есть? Я всегда была такой! Если я вам не нравлюсь, то просто выгоните меня! Ведь когда вы меня усыновляли, вы никогда не считали меня родной дочерью, вы всегда смотрели на меня свысока, потому что я девочка, да? Лучше усыновите Чу Хуншэна и Сюэ Динъюаня, они ведь сыновья... Но я вас предупреждаю, Чу Хуншэн тоже не лучше, они оба только и ждут, чтобы пожить за ваш счёт!

— В чём ещё Сяо Сюэ виноват? Разве мы не говорили тебе, что он и Сяо Чу спасли меня, а значит, спасли нашу семью!

— Какое спасение? Это всё было подстроено Чу Хуншэном и теми хулиганами, иначе как бы это могло быть так удачно? И не думайте, что я не знаю, вы ещё и дали им денег в благодарность, а они теперь продолжают приходить и сидеть у вас на шее! Это называется вымогательство, просто бесстыдство! — Цзян Яояо плакала всё громче.

— Замолчи! — это сказал Сюэ Динъюань. О нём могли говорить что угодно, он готов был терпеть любые обиды, но говорить о Чу Хуншэне он не позволит!

С нахмуренным лицом он строго продолжил:

— Цзян Яояо, ты ещё смеешь плакать и говорить, что другие тебя не ценят? С таким характером, кто тебя сможет ценить? И у тебя в сердце, похоже, все плохое, кто ни придёт в ваш дом — только чтобы воспользоваться вами! Не обижайся на мои слова, но ты ведь всего лишь приёмная дочь в этом доме, и каждая вещь здесь была заработана дядей Цзяном и учителем Сюй, какое это имеет отношение к тебе? Даже если бы ты была их родной дочерью, их имущество — это их дело, и распоряжаться им они хотят, как им угодно. Какое право ты имеешь это оспаривать? Ты постоянно говоришь о бедных родственниках, о заговорах, но, похоже, ты сама настолько испорчена, что видишь зло в каждом!

— Ты... как ты можешь так говорить? Твои слова такие грубые! — Цзян Яояо была шокирована тем, что Сюэ Динъюань, который выглядел таким спокойным и сдержанным, мог сказать такие слова. Она смогла только вымолвить это.

Но Сюэ Динъюань ещё не закончил:

— Ты считаешь это грубым? У меня есть ещё более грубые слова! Ты просто вошла в этот дом и решила, что всё здесь принадлежит тебе, поэтому, когда кто-то берёт даже мелочь, ты считаешь, что это посягательство на твоё имущество, да? И ещё я тебе скажу, не все такие алчные, как ты. Я признаю, что дядя Цзян и учитель Сюй хотели отблагодарить Чу Хуншэна деньгами, но он не взял их, потому что он не такой, как ты, жаждущий наживы.

— Я не такая! Ты клеветешь на меня! Я просто не хочу, чтобы мной пользовались!

— Какое это имеет отношение к тебе? Я спрашиваю тебя: какое отношение имущество дяди Цзян и учителя Сюй имеет к тебе? Разве они тебя не содержат?

— Но ведь им нужно, чтобы я заботилась о них в старости!

— Они ведь уже содержат тебя сейчас? Разве ты не будешь заботиться о них, если они не оставят тебе наследство? — Сюэ Динъюань с презрением закончил, затем резко освободился от хватки Цзян Яояо и кивнул Цзян Чжисяо и Сюй Янь. — Дядя Цзян, учитель Сюй, я пойду.

Цзян Чжисяо с неловкостью посмотрел на Сюй Янь, давая ей понять, что нужно успокоить ошеломлённую Цзян Яояо, а сам вышел вслед за Сюэ Динъюанем и начал объяснять:

— Сяо Сюэ, сегодня тебе пришлось пережить всё это.

Сюэ Динъюань знал, что это не было виной Цзян Чжисяо и Сюй Янь, поэтому ответил:

— Нет, это я вас побеспокоил.

Он смущённо улыбнулся:

— Я ещё и отругал вашу дочь, надеюсь, вы на меня не обижаетесь.

Цзян Чжисяо, провожая Сюэ Динъюаня, с сожалением объяснил:

— Сяо Сюэ, это дело... на самом деле мы знаем, что Яояо немного не в себе... Это из-за её прошлой семьи. У неё есть брат, и её родители, особенно мать, очень сильно предпочли мальчиков, почти издевались над ней, поэтому она такая... Мы усыновили её не так давно, надеемся, что со временем она станет менее агрессивной...

<http://bllate.org/book/16745/1561981>